

недееспособности властных структур в решении острых социальных задач. В этом, кстати, большинство респондентов видят и основную причину межнациональных конфликтов в стране. Примечательно, что только 5% опрошенных придерживается расхожего мнения о сталинско-брежневских истоках существующей межнациональной розни.

Несколько обособленно стояли в анкете два вопроса, во многом характеризующие региональную специфику проблем межнационального общения: об отношении амурчан к торговцам из стран ближнего зарубежья и об отношении к идее ограничения въезда в Благовещенск и приграничные районы подобного рода лиц.

Здесь респонденты были весьма категоричны. Приветствуют деятельность заезжих "купцов" только 1,2% опрошенных, остальные высказали к ним прямо отрицательное отношение. Как следствие, подавляющее большинство (75%) полностью поддерживают идею об ограничении въезда в область граждан из ближнего зарубежья. Кроме того, значительная часть респондентов вообще видят определенную опасность в свободном въезде в область иностранцев и, прежде всего, китайских граждан.

Для таких опасений есть как объективно-исторические причины, так и социально-экономические, когда наблюдается ярко выраженная экспансия китайских товаров в большей степени низкого качества.

Подобные настроения людей следует самым серьезным образом учитывать, иначе ситуация в межнациональных отношениях в Амурской области может существенно обостриться, что чревато многими негативными и непредсказуемыми последствиями.

А.И.Кузьмин, А.Г.Оруджиева
Екатеринбург

Тенденция демографического развития районов нового промышленного освоения (на примере Тюменской области)

Осмысление исторического опыта демографического развития общества и цивилизаций показывает, что с точки зрения управления и политики демографические проблемы сами по себе мало значат как реалии. Главное - это отношение к демографическим проблемам общественно-мнения (самого населения), неформальных и массовых организационных структур и несомненно - правительства, что

полностью переложимо на ситуацию в Тюменской области, включая Север и Крайний Север данной территории.

Основные демопроблемы Тюменской области связаны с ухудшающейся экологией края и гигантским "молохом" миграционного оборота и его деструктивных свойств. За этими проблемами в свою очередь кроется "стратегия и тактика" старой социальной технологии освоения богатых природными ресурсами территорий, находящихся в общественной собственности, то есть политики освоения Севера. Изучение демографических явлений и событий на севере Тюменской области в локальном масштабе свидетельствует об общем социально-демографическом нездоровье населения, но не обнаруживает в настоящее время процесса депопуляции. По ряду демографических показателей (молодость возрастной структуры, средний размер семьи, ее детность, репродуктивные установки, положительный естественный прирост населения, в том числе у коренных народностей) область выгодно отличается от остальной территории России и особенно западных.

Демографические процессы в Тюменской области обусловлены двумя основными тенденциями, прекращение которых в той или иной точке, группе, популяции дает неповторимость и уникальность опыта социально-демографического развития территории. Первый процесс связан с нагнетанием с помощью миграции новым населением. Миграция способна создавать на территории свое особое население и не только в результате притока, но и в периоды массового отъезда. Вторая важнейшая тенденция, обладающая глобальной силой - это место, которое занимают те или иные социальные и этнические группы населения в процессе демографического перехода. Так, в отличие от русских, украинцев и некоторых других, коренные народности Севера области явно находятся еще далеко от завершения к низкой рождаемости и смертности.

В первой тенденции находят отражение успехи и просчеты социально-экономической и демографической политики, во второй - позиция и уровень демографического развития той или иной этносоциальной и культурной среды народов и их общем движении от высокой смертности, нерациональной рождаемости и высокой цены (платы) за воспроизводство и замену поколений к низкой смертности и желаемому уровню рождаемости. Скорость демографического перехода в разных этно-социальных группах не совпадает с

историческим, экономическим и идеологическим (религиозным) причинами. Это общее положение отчетливо прослеживается и на уровне Тюменской области.

Учитывая накопленные фактические данные о деморазвитии Западной Сибири можно с уверенностью сказать, что демографический переход начался здесь значительно позднее, чем в западных районах России.

Выделим следующие фазы демографического и миграционного перехода районов нового хозяйственного освоения на примере Тюменской области.

1. Интенсивность миграции слабая. Существует "плато" высокой неограниченной рождаемости, позволяющей популяции выжить. Высокая смертность, в том числе и от экзогенных причин (эпидемии, войны, неурожай и др.). Низкий уровень возможностей семьи контролировать среду обитания. Начальная стадия эпидемиологического перехода. Поощрение миграции в Сибирь и на Дальний Восток.

2. Эпоха принудительной индустриализации и коллективизации. Тоталитарный контроль за демоповедением семьи и личности. Развертывание общегосударственных программ здравоохранения. Массовый поток населения в города. Реализация первых планов освоения Сибири. Усиление санкций и репрессий с целью сдерживания нежелательной миграции, в том числе сельской и возрастной. Интенсивный эпидемиологический переход к новой структуре причин смертности. Политический геноцид. Война и военные потери.

3. Послевоенная миграция в города и на "малую Родину". Усиление возрастной миграции из Сибири и Дальнего Востока после смерти Сталина. Два пика миграции (70-е и 80-е годы) - нефтяной и газовый "бум". Ослабление политического контроля, переход к экономическим стимулам. Повышение территориальной подвижности в два-три раза по сравнению со среднереспубликанским уровнем. Наблюдается предельная интенсивность и результативность миграции. Доля миграции в общем приросте численности населения области достигла 95%. Движение населения имеет целенаправленный характер. Накопление трудоспособного контингента достигает 70%. Рост средней продолжительности жизни в пределах 70 лет в целом и ее стагнация. Увеличение запаса родительского, рабочего и бракоспособного возраста. Переход к малодетности за исключением репродуктивных установок.

4. Усталость и спад миграции к концу 80-х годов. стабилизация демографических процессов. Удельный вес

миграции в общем приросте населения снижается до трети, а затем и до 15%. Снижение рождаемости в поколениях до уровня суженного воспроизводства населения. Стагнация продолжительности жизни и снижение данного показателя у мужчин. Появление мощного возрастного движения населения из Тюменской области и Северных районов. Появление "пятен" открытой депопуляции на юге области. Ускорение постарения населения при сохранении внешне благополучной и более молодой возрастной структуры. Перемещение населения в более "выгодные" экономические зоны и пространства. Крах административного контроля. Борьба за суверенитет, приватизация, распад союзных структур.

5. Завершение процессов миграционного и демографического перехода, деконцентрация населения, полное распространение двухдетной модели семьи, относительное повышение коэффициентов дожития. Усиление оттока, вероятное ужесточение и квотирование миграционного потока на Север по экологическим и экономическим требованиям. Новая политика и социальная технология освоения северных территорий.

Таким образом, специфика миграционного и демографического перехода в Тюменской области заключается в том, что на III фазе наблюдается полное подчинение демографических процессов миграционному, включая его деструктивную сторону (экологию, отсталость развития социальной сферы и здравоохранения), а также временно положительное омолаживание населения.

Наиболее вероятный сценарий демографического развития области связан со стабилизацией населения и его половозрастной структуры под влиянием спада миграционной активности и возможно довольно длительного оттока населения из-за угасания добычи нефти и газа, перехода на новые технологии и приобщения к экономическим нововведениям. Снижение темпов прироста населения до 0,5-1% в год облегчит задачу наращивания социальной инфраструктуры и создает условия для перепрофилирования отраслей народного хозяйства в области. Что же касается воспроизводства населения, то оно еще значительное время будет работать в суженном режиме, что состарит его, уменьшит запас родителей, снизит размеры трудового потенциала территории.

отношения, идеология. Скрепленные единой политической волей, выраженной в деятельности коммунистической партии, монополюбно осуществлявшей свою политику в стране, эти факторы обеспечивали единство культурного процесса. В итоге культурная специфика в развитии тех или иных регионов заняла подчиненное место. Ее роль, если можно так выразиться, состояла в том, чтобы служить более или менее оригинальным оформлением здания, построенного по единому проекту.

В какой мере соотношение общего и особенно адекватно отражает реальность - проблема частная, решаемая на материале каждого отдельного исторического труда. Главной историографической проблемой, исходя из признания правомерности принципа единого подхода, представляется другое - выяснение правильности, достоверности самого его содержания.

Глубокое сомнение на этот счет порождается обстоятельствами современного момента, фактом глобального кризиса, переживаемого российским обществом. В силу этого одной из актуальнейших задач становится изучение причин, основ этого кризиса, означает новое прочтение истории. Ибо очевидно, что старое, апологетическое изображение истории советской культуры вошло в противоречие с ее итогами. Задача, следовательно, заключается в разработке новой концепции.

Укажем на некоторые составные части этой концепции, являющиеся, на наш взгляд, главными. Прежде всего нуждается в принципиальной переоценке теория культурной революции, составляющая каркас советского культуроведения. Через призму этой теории историки рассматривали все конкретные процессы культурного строительства. Многолетняя дискуссия о культурной революции, бывшая центральным пунктом теоретической жизни последних десятилетий, расколола культуроведов на два "лагеря", по вопросу признания или непризнания ее завершенности. Придерживаясь второй позиции, мы считаем неверными выводы статьи, подводящей итоги дискуссии. Некоторые соображения на этот счет нами недавно опубликованы.

Есть основания пойти дальше в этом вопросе, поставить под сомнение правомерность самой теории. Установка на осуществление культурной революции, данная в условиях утверждения антидемократического строя, т.е. в начальной фазе формирования тоталитаризма в СССР, может

рассматриваться либо как ошибочная, либо как ложная по своему замыслу.

В тесной связи с решением данной проблемы находится задача определения типа создавшейся культуры. Без выяснения, какой в социально-политическом плане была культура, мы не преодолеем фрагментарность историко-культурных описаний, отраслевой характер изучения культуры, принцип комментаторства ("с одной стороны - с другой стороны..."). Картина культурного развития не выйдет в этом случае за рамки перечисления положительных и отрицательных примеров.

Между тем, вопрос о генеральном типе культуры советского общества вполне решаемый, что не означает отрицания разнообразия культурных проявлений в отдельных социальных группах и национальных общностях. Он решается через выявление той доминанты, которая в специфических условиях советского строя формировала культуру по своему образу и подобию. Это - политико-идеологическое ядро, составляющее сердцевину КПСС. Именно партия определяла все основные параметры новой культуры и соответственно черты нового человека. Все они объединяются понятием тоталитарности, какое и определяет тип культуры.

Историкам, как нам представляется, предстоит разобрать модель тоталитарной культуры и на ее основе провести конкретно-исторический анализ источников. В этом случае возможны реконструкция реального процесса и преодоление существовавшего много десятилетий мифа о великой культурной революции и ее победе в СССР. На этом пути станет возможным и выяснение исторических причин в сфере духовной жизни, которые привели наше общество к кризису.

Е.Т.Артемов
Екатеринбург

Восточные районы страны в советской научной политике: декларации и реальность

В отечественной историографии, как правило, дается высокая оценка эффективности региональной научной политики советского государства. Утверждается, что если для дореволюционной России была характерна резкая неравномерность в размещении научных учреждений и научных

кадров, то в последующие годы ситуация коренным образом изменилась. В ходе реализации стратегии регионального развития, разработанной новым режимом, ушла в прошлое неоправданная концентрация научного потенциала в Петербурге и Москве. Произошло территориальное рассредоточение научных сил, их пространственное сближение с производством.

Особо отмечаются опережающие темпы роста научного потенциала в восточной макроне страны. Это подается как результат продуманной, целенаправленной деятельности советского руководства, в целом правильно понимавшего объективную потребность в такой политике. Причем ее истоки относятся к началу века, когда достаточно явно обозначилось смещение вектора пространственного развития России во внутренние, континентальные районы.

На мой взгляд, такая интерпретация хода научного строительства нуждается в существенных коррективах. Дело в том, что она основывается на некритичном восприятии официальных партийно-правительственных установок. Действительно, уже первыми пятилетними планами предусматривалось "приближение научной работы к нуждам промышленности и сельского хозяйства", "укрепление сети научных учреждений на индустриализующихся окраинах". Аналогичные решения принимались и в последующие годы. С завидным постоянством ставилась задача "рационализации" размещения научного потенциала, его приоритетное развитие в восточных районах.

Однако, если обратиться к анализу реальных процессов, то становится ясно, что эти, широко афишируемые цели достичь не удалось. Создание сети стационарных научных учреждений на Урале и в Сибири в 30-е годы, организация региональных отделений Академии наук и другие подобные примеры, конечно, впечатляют. Вместе с тем, обобщающие данные свидетельствуют, что принципиальных изменений в размещении научного потенциала не произошло. В частности, и в конце 20-х годов, и в начале 60-х годов, удельный вес Москвы и Ленинграда в общей численности научных работников, занятых в исследовательских учреждениях Советского Союза был практически одинаков. На их долю приходилось несколько больше половины всех научных сотрудников в первом случае и несколько меньше - во втором. В то же время, Урал, Сибирь и Дальний Восток не располагали и десятой частью

кадрового потенциала советской науки. И это - после разрекламированных акций начала 30-х и второй половины 50-х годов по расширению ее географии. В последующие годы, если что и изменилось, то скорее к худшему. Удельный вес Урала, Сибири и Дальнего Востока в научном потенциале оставался значительно меньше, чем доля в населении и валовом внутреннем продукте страны.

Несовпадение планов и результатов региональной научной политики требует объяснения. И здесь напрашивается следующая альтернатива. Либо декларированные цели принципиально отличались от действительных намерений, либо неуправляемость экономики была таковой, что центральные органы не имели возможностей и средств для осуществления своих решений. К сожалению, нынешний уровень разработки проблемы не позволяет дать окончательного ответа на этот вопрос. Однако в предварительном порядке попытаемся высказать свое суждение. Думается, что несоответствие официально провозглашенных и действительных целей было органично присуще советской и внутренней, и внешней политике. Вместе с тем, в два-три последние десятилетия резко возросла неуправляемость экономического и социального развития. И этот фактор, пожалуй, стал главным препятствием для более сбалансированного размещения научного потенциала.

Сохранение такого положения может иметь весьма опасные последствия с точки зрения национальных интересов. Отсутствие на местах достаточных научных сил перемещает источники экономического и социально-культурного роста за пределы соответствующих территорий. Не исключено, что в условиях активного втягивания нашей экономики в мировое хозяйство, они вообще могут оказаться вне пределов страны. По крайней мере, для Дальнего Востока, Сибири и Урала такое развитие событий вполне вероятно. Следовательно, выдвинутый шесть десятилетий назад тезис о необходимости "восточного сдвига" науки не утратил свою актуальность. Дело только в его подкреплении практическими действиями и на региональном, и на федеральном уровне.